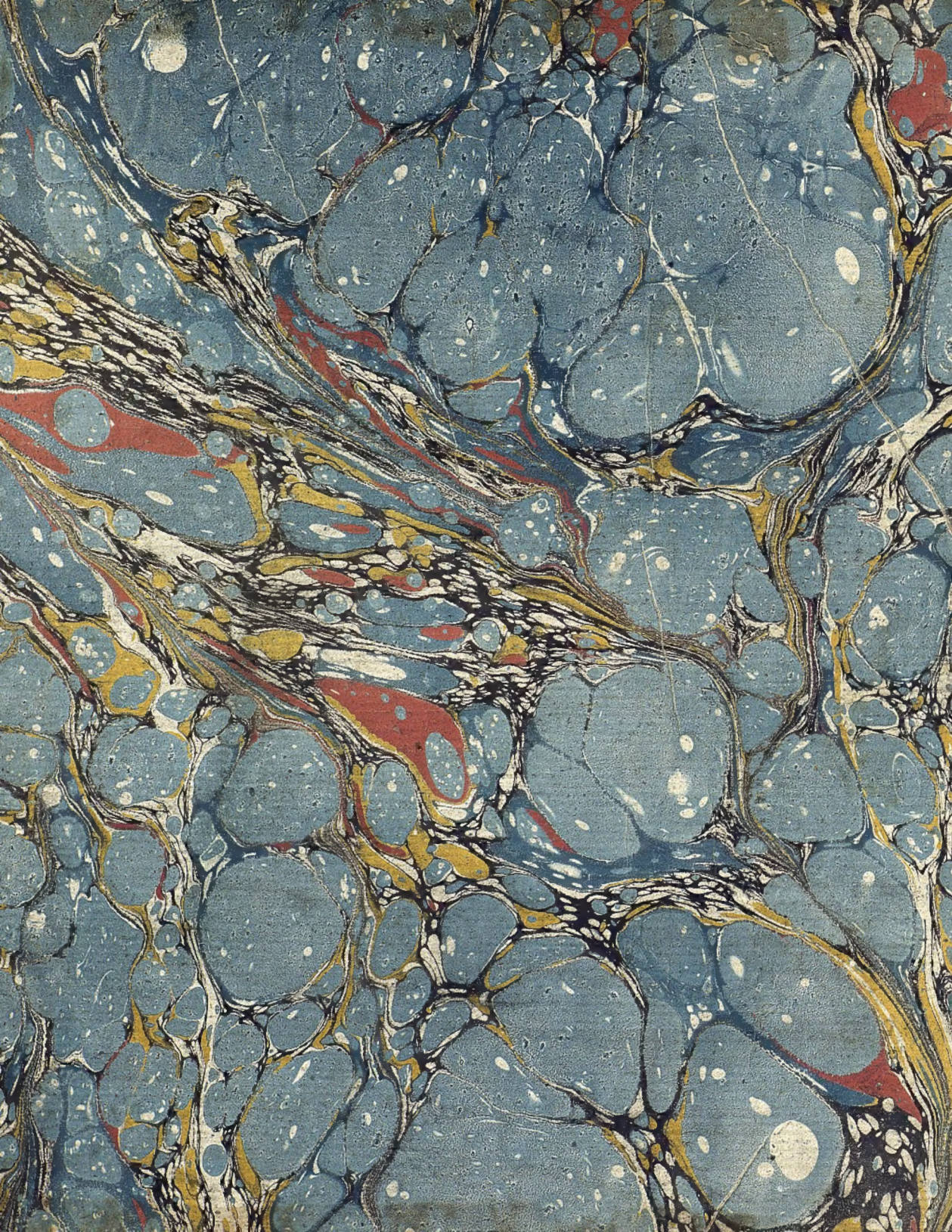


СЛОВО

въ первый, по полученіи
ВСЕРАДОСТНАГО И ВОЖДЕЛѢННѢЙШАГО ИЗВѢСТІЯ
о
Короновании и Святомъ Помазаніи
БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО
ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ

АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО,

ИМПЕРАТОРА
и
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО,
и
Супруги Его,
БЛАГОЧЕСТИВѢЙШІЯ ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ,

Высокоторжественный день
Въ городѣ Могилевѣ,
предъ отправленіемъ благодарственнаго ко всемилостивому Богу моленія,
говоренное
въ Каѳедральномъ Соборѣ Бѣлорусскимъ Архіепископомъ
АНАСТАСІЕМЪ,
22 Сентября 1801 года.

МОСКВА, 1801.
Въ Университетской Типографіи,
у Хр. Клаудія.

Съ дозволенія Московской Цензуры.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 336892
„ " 19 г.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Вѣнецъ златъ верху главы его, изображеніе печати святыни, похвала чести, дѣло крѣпости, вожделѣнія очесъ красима прекрасна.

Іисуса Сирах. гл. 45. *ст.* 14.

Тако привѣтствуемъ, нынѣ помазаніемъ Святымъ освященнаго, Наслѣдственнаго всея Россіи, Самодержца Императора АЛЕКСАНДРА Перваго! Вѣнецъ Царскаго самодержавія верху главы Его: се печать святости Промысла Божія о Немъ, и святыни сердца Его предъ Богомъ; се честь Императорскаго достоинства Его; се хвала величественныхъ добродѣтелей Его! Онъ нынѣ дѣло крѣпости благодати Вышняго. Красенъ небесными дарами, прекрасенъ и земными; тѣлесный видъ Его изображаетъ душу Его, душа Его богоподобна. Къ Нему очи наши, къ Нему и сердца наши. Царствуй — царствуй въ небесной красотѣ сей, царствуй вѣчно надъ нами, возлюбленный Помазанникъ Божій, дражайшій очей нашихъ, нашъ Императоръ АЛЕКСАНДРЪ Первый!

Таковая Священнаго помазанія на царство боголѣпная слава, таковыя Помазанника Господня богоподобныя доброты, не явственно ли всѣмъ предлагаютъ сей благодатный урокъ: что *съ великостію Государственныхъ званій соединять добродѣтели царствія Божія — добродѣтели Евангельскія — и можно, и должно!*

Чтобы правила, закономъ Христіанскаго благочестія предписываемыя, были не совмѣстны съ совершенствами, дѣлающими людей великими; чтобы кроткія и смиренномудрыя чувствованія, внушаемыя ученіемъ Христовымъ, ослабляли силу и крѣпость духа, свое званіе

вѣ политическомѣ мірѣ сѣ знаменитою отличностію исполнить обязаннаго; чтобы обязанности богослуженія отнимали время и внимательность къ дѣламъ общественнымъ; чтобы Евангельская искренность души и сердца дѣлала неспособными къ оборотамъ политики, и чтобы миролюбивый духъ, сопряженный сѣ благоговѣйною набожностію, былъ противенъ воительному мужеству побѣдоносныхъ героевъ: сіе сказать — есть и для Творца Евангелія Бога преобидно, и само въ себѣ несправедливо.

Богъ есть вселенныя Творецъ; убо онъ есть Творецъ и человѣка. Ты Господи! Отецъ нашъ еси, Твоихъ рукъ дѣло всѣ есьмы. Не сѣ такою же ли искренностію должно признать, что и благоустроенныхъ обществъ виновникъ есть Богъ? Или небесныхъ силъ Господь, Владыка молній и громовъ, Царь временъ и вѣковъ — нѣсть Царь царствующихъ и господствующихъ Господь? Премудрый и преблагій Промыслитель, толико въ поднебесной возвеличивый человѣка, не Онъ ли человѣческими же совершенствами возвышаетъ человѣка предъ человѣки? А положивый законъ небу и землѣ, уже ли не начерталъ закона свободномыслящему уму и дѣйствующему тако сердцу? Нѣтъ, нѣтъ —что отвѣтствовать на сей вопросъ: что имаши, о человѣкъ! его же нѣси пріялъ отъ Господа; аще же пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемь? Для чего жъ все сіе? Да будеши и по добродѣтелямъ твоимъ весь Божій къ славѣ Его, якоже весь еси Его по совершенствамъ твоимъ къ преимуществу надъ всѣмъ тѣмъ, что нѣсть человѣкъ — къ видимому щастію твоему. Тако устроеваяй щастіе земное для человѣка Богъ, не устроилъ ли его, не расположилъ ли его быть щастливымъ и вѣчно? Всѣхъ человѣческихъ ко Богу обязанностей сей есть конецъ безсмертное блаженство. Се единая награда достойная Бога, достойная добродѣтелей, творимыхъ для Бога, достойная души без-

смертныя! Чтожъ Евангеліе внушаетъ, какъ не самое истинное исполненіе должностей, каковыхъ требуетъ Богъ? Къ чему истины Христова ученія ведутъ, какъ не къ совершеннѣйшимъ добродѣтелямъ и вѣчному блаженству? Вѣра для разума не насиліе, но кроткое призываніе къ лучшему свѣту; не униженіе, но превосходнѣйшая великость съ той стороны, по которой Богъ есть Отецъ духовъ и Владыка сердецъ. Царствіе Божіе заключитъ въ предѣлахъ одной тѣлесной природы, а не и надъ мыслями духовъ и желаніями разумныхъ сердецъ было бы не совмѣстно съ понятіемъ о Богѣ. Почему соединивый съ плотію духъ, можетъ соединить и житейскія попеченія съ занятіями небесными, и странственника сего міра должности съ обязанностями наслѣдника небесъ, такъ что исповѣдникъ вѣры и Евангелія можетъ быть исполнителемъ званій, кои возлагаетъ на его Отечество, Гражданство, Государство, и исполнителемъ тѣмъ истиннѣйшимъ, чѣмъ искреннѣе вѣруетъ въ Бога, любитъ Его законъ и предается дѣйствованіямъ Евангельскія благодати.

А по сему обязанности богослуженія не препятствуютъ дѣятельному вниманію къ должностямъ общественнымъ. Не то богослуженіе, чтобы стоять у жертвенниковъ, возгнѣщать неугасающій огнь и приносить ѳиміамное кадило: но съ понятіемъ и признаніемъ Бога и Его совершенствъ соображать свои мысли, желанія, свою жизнь и дѣла. Чѣмъ же Промыслъ Бога, Его премудрость, Его святость, Его правду, Его всевѣдѣніе прославить болѣе можно, какъ съ совершенною Промыслу небесному преданностію вступая въ предлагаемый подвигъ, проходить оной благоразумно, свято, праведно, дѣлая всегда и вездѣ, яко предъ всевидящими очами Божіими? И что предполагаетъ та торжественная клятва, коею призванный въ должность свидѣтельствуется Богомъ предъ человѣки? Что? Истину, святость, правду, безпристра-

отную совѣсть. Быть таковымъ, коль всепріятнѣйшее служеніе Богу: не быть таковымъ есть нечестіе, коимъ гнушалось и самое язычество. Съ горы богомыслія низходилъ Моисей, да Израильскаго народа требованіямъ, нуждамъ, дѣламъ, поступкамъ внимаетъ съ такою же вѣрностію, съ какою служилъ Богу, поставившему Его Израильскимъ вождемъ; а Соломонъ принялъ Царскій скипетръ, но поручивъ Богу умъ и сердце свое. Не можно работать вмѣстѣ Богу и міру: правда! ибо служеніе міру есть раболѣпство суетѣ, угожденіе страстямъ — есть служеніе пороку. Но исполнять должности по званію, и исполнять свято, истинно, безпристрастно есть отвращеніе отъ міра и лукаваго и злаго, есть служеніе добродѣтели, — убо служеніе Богу. Упражненія въ богослуженіи всегда суть одинаковы; ибо Богъ въ совершенствахъ своихъ всегда есть одинъ и тотъ же, равно и обязанности человѣческія ко Богу суть не превратны. Почему не множество по должностямъ дѣлъ отвлекаетъ отъ долга богослуженія, но невнимательность къ святости сего долга, разсѣянность мыслей, несвязанныхъ страхомъ Божіимъ, и шатаніе сердца, удаленнаго отъ чувствованія, коль благо есть прилѣпляться Господеви! Благочестіе на все полезно есть.

Убо кроткія и смиренномудрыя чувствованія, внушаемыя ученіемъ Христовымъ, могутъ ли ослабить великость духа, каковыя требуетъ великость званій и должностей Государственныхъ? Самолюбіе, ослѣпляющееся собственностію и въ семъ мракѣ или во вся невидящее другихъ, или слѣпотствующимъ осязаніемъ примѣчающее токмо, что есть люди, такое самолюбіе никогда великихъ подвиговъ не оказало. Вдругъ никто не содѣлывался великимъ: но отъ силы въ силу и отъ славы въ славу возносился тотъ, кто подвиги свои всегда почиталъ недокончанными, а потому и силы свои недостигшими совершенства. Всякъ изторгающій себя изъ вла-

дычества всесильныя Вышняго десницы, все и священное и свѣтское превращаетъ въ хаосъ, въ коемъ прежде всего и имя и память самаго погибаютъ съ шумомъ. Великость великихъ большее предполагаетъ смиренномудріе, нежели съ каковою отверженностію себя удивляются величію ихъ униженные предъ ними. Промыслъ Божій открываетъ себя въ таковыхъ, дабы осязательнымъ образомъ показать величіе силы и благости своея. Почему самый долгъ благодарности что предполагаетъ, какъ не тѣмъ искреннѣйшее себя покореніе Богу? На сихъ началахъ основана Евангельская кротость: и коль дивно поспѣшествуетъ она въ величіи званій содѣлаться великимъ? Ибо съ кротостію Евангельскою почитаютъ себя орудіемъ Божіимъ, и потому дѣйствуютъ свято; Его силою сильными, и потому въ подвигахъ великодушны; Его мудростію мудрыми, и потому въ намѣреніяхъ и совѣтахъ благоразумны. Таковымъ слава и честь въ слѣдъ ихъ: ибо слава ихъ есть слава добродѣтелей ихъ, запечатлѣнныхъ сею священною признательностію: благодатію Божіею есмь, еже есмь. Не возстаетъ тамо ни напрасливая гордость, ни зависть зложелательная, ни безчеловѣчное тиранство, гдѣ кроткій Евангелія духъ воодушевляетъ душу, гдѣ смиренномудрыя Христіанства чувствованія обладаютъ сердцемъ. Не званія и должности дѣлаютъ великимъ, но исполненіе оныхъ. Совѣсть внутрь, а благотворенія извнѣ составляютъ всю красоту дѣяній. При внѣшней славѣ и хвалѣ естьли совѣсть зазираетъ: таковая слава и хвала будутъ хулою тѣмъ огорчительнѣйшею, что и внутренній свидѣтель не предлагаетъ никакого ко оправданію права. Гласъ Евангельскій есть гласъ Божій, зовущій единственно къ совѣсти. И се есть торжество Христіанства, что оно съ равною предъ Богомъ и человѣки истиною царствуетъ на Престолѣ и повергается предъ престоломъ Божіимъ; обладаетъ народами и не забываетъ своего человѣчества; пи-

шетъ правду и само оную исполняетъ; говоритъ и дѣлаетъ. И естьли святость дѣлъ и поступокъ, святость совершенствъ и достоинствъ, святость званій и должностей — святость кроткая, тихая Евангельская можетъ унижать великость призванныхъ быть великими: то что уже ихъ возвышать должно?

Почему, дабы быть и наилучшимъ политикомъ, должно содѣлаться ближайшимъ послѣдователемъ Евангелія; естьли токмо политика состоитъ въ томъ, чтобъ имѣя просвѣщенное познаніе всѣхъ тѣхъ отношеній, коими одного съ другимъ связываютъ законы природы, религіи, общества, Государства, исполнять оныя съ умною простотою и съ осторожною искренностію. Нѣтъ словъ въ Евангеліи, коими бы предаваться обману повелѣвалось: а обманывать другихъ воспрещается и гласно, и грозно. Мужъ двоедушенъ поражается отъ предвѣчныя истины горемъ Фарисейскимъ, да и люди какими благословеніями осыплютъ таковаго? Достойно ходите званія, въ неже призваны есте, повелѣваетъ Слово Божіе. Пусть сіе относится къ званію Христіанства: но чего и Царь небесный отъ Царей земныхъ, и Государи отъ вельможъ своихъ, и вельможи отъ подчиненныхъ себѣ, и подчиненные отъ превознесенныхъ надъ ними, чего требуютъ, какъ чтобы достойно ходили званія своего, воздая всякому свое и умно и добросердечно: Ему же вѣру? вѣру; Ему же честь? честь; Ему же долгъ? долгъ; Ему же страхъ? страхъ, помышляя и творя, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала? Будите мудры яко змія, и цѣлы яко голубь: что симъ нравонаставленіемъ внушаетъ Іисусъ? то ли, чтобъ хитростямъ злонамѣреннаго лукавства предаваться съ голубиною простотою? или неосторожную простоту уловлять змѣинымъ коварствомъ? Нѣтъ! въ твоихъ поступкахъ имѣй искренность и чистосердечіе, про-

тиву же хитростей, коварствъ и льсти употребляй все благоразуміе и осторожность. Подъ кляпвой измѣна, въ обѣщаніяхъ тщеславіе, въ увѣреніяхъ отказъ, въ услугахъ корысть, въ совѣтахъ льщеніе, въ дружествѣ предательство: о! таковые обороты не совмѣстны и съ внушеніями здраваго разсудка. Человѣкъ! не узнавай человѣка: сему не учитъ ни разумъ, ни вѣра: а щастіе свое сооружать на нещастіи другаго не станетъ, кто другъ друга большею себя честію творитъ, и не своея токмо ищетъ пользы, но яже есть ближняго. Таковые поступки коль суть святопривлекательны — любезны! Они просты, и вмѣстъ величественны; они искренни, и вмѣстъ преблаготворны; они скрыты безъ притворства, они явны безъ тщеславія. Или нѣтъ таковой политики; или она есть слѣдствіемъ мудрыя простоты Евангельскія. Торжествуй Христіанство! слава сея нравственныя красоты сердецъ человѣческихъ принадлежитъ тебѣ. Далѣе

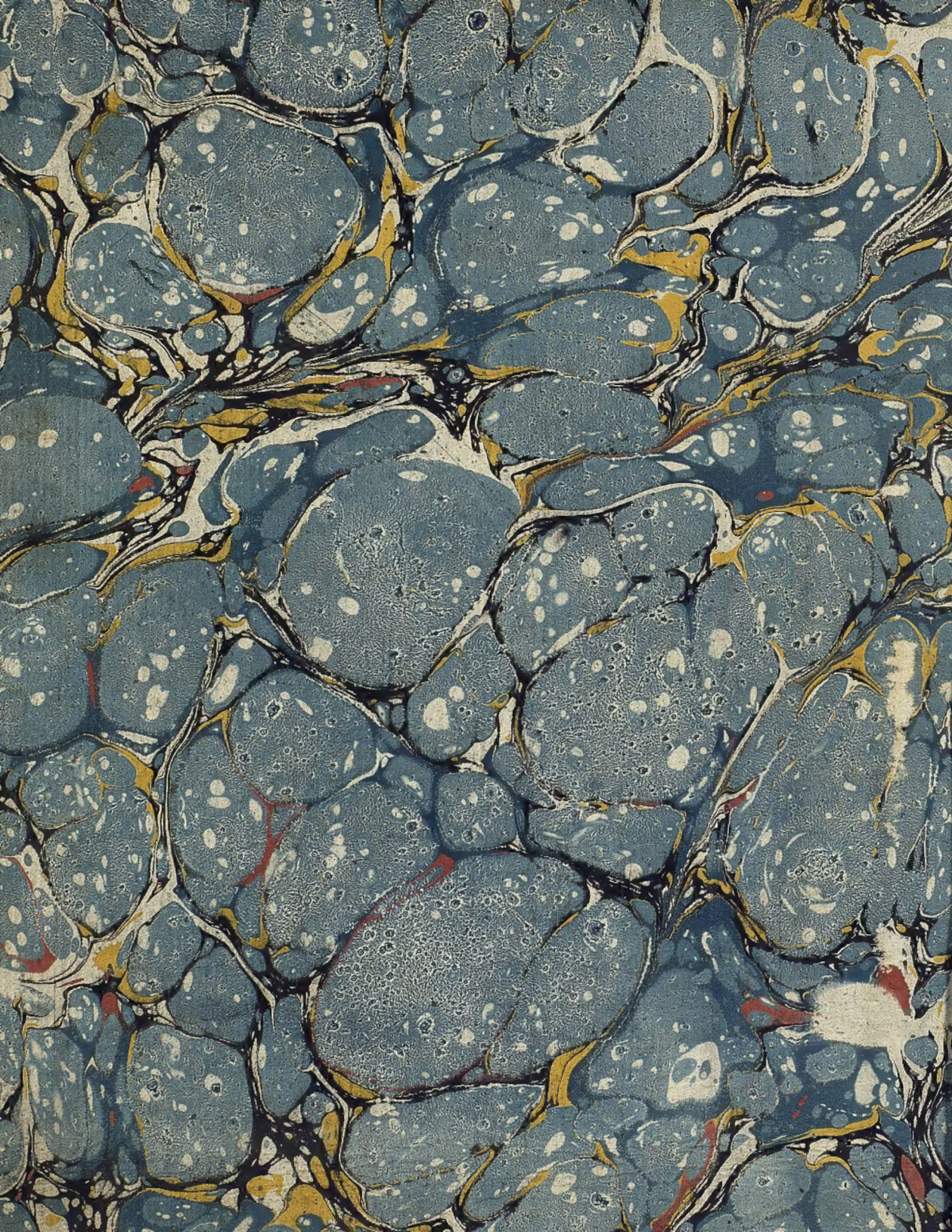
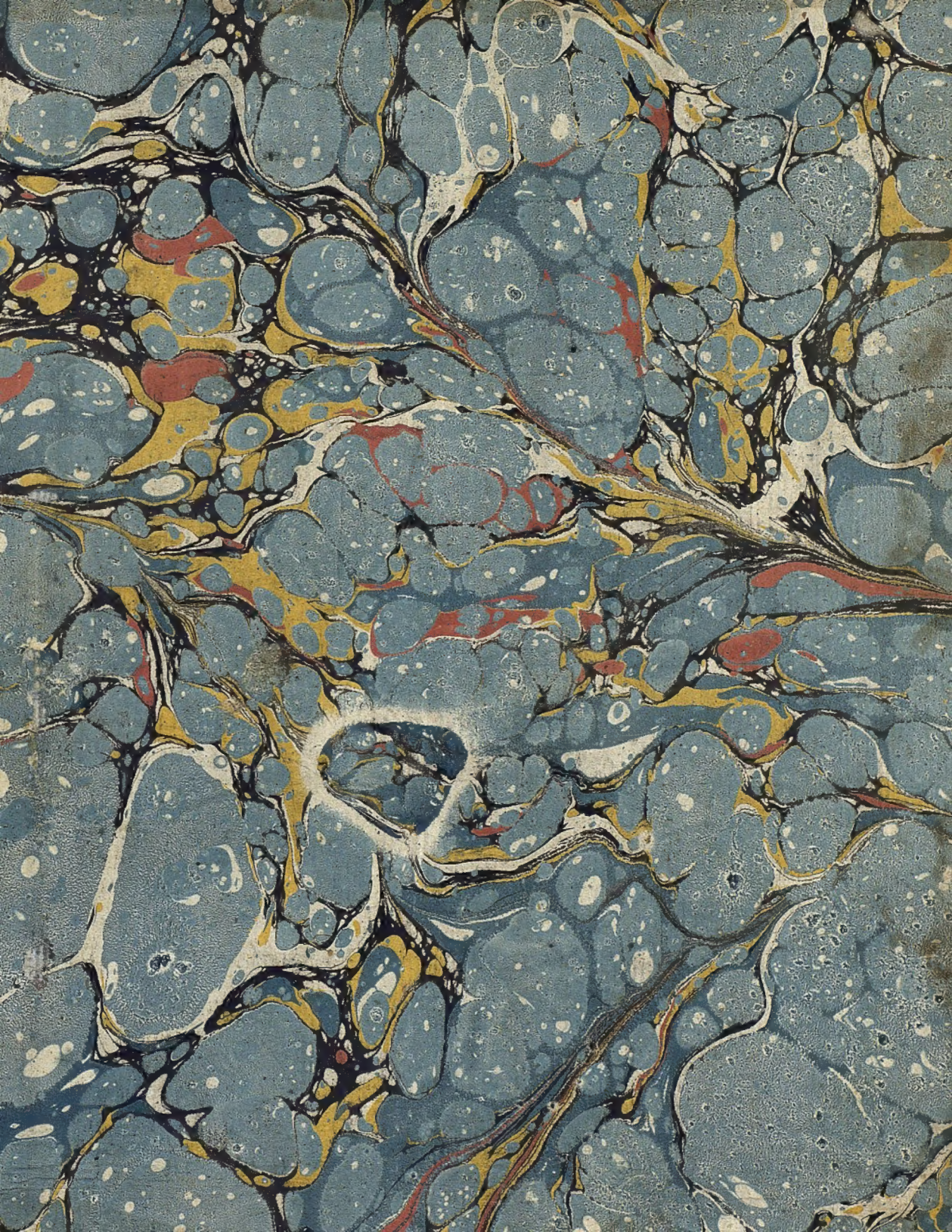
Васъ, Христоименитые Герои Побѣдоносцы! васъ вопрошаю: когда изходите вы на брань, ополчаетесь противу врага, устроеваете къ сраженію полки, и уже возносите руку на пораженіе супостата, простываетъ ли въ жилахъ вашихъ кровь, кипящая жаромъ вѣры и вѣрности; останавливаетъ ли біеніе свое сердце ваше, движимое Геройскою неустрашимостію; ослабляется ли ваше мужество и присутствіе бодраго духа, вообразивъ, что Господь силъ поборяетъ по васъ; что всесильная помощь Его есть знамя ваше, есть щитъ, есть шлемъ, есть мечь вашъ? Ежели духомъ Евангельскимъ, духомъ Божіимъ водимые Герои предносятъ первѣе миръ, а потомъ караютъ гордаго презрителя мира; ежели щадятъ они побѣжденныхъ жизнь и свободу; ежели лавры свои посвящаютъ Богу и на жертвенникъ хвалы и благодаренія Господу весь заслугъ своихъ сожигаютъ ѳиміамъ, безъ остатка для гордости и высокомѣрія: таковые по-

бѣдоносцы не суть ли удивленіемъ самыхъ небесъ? Они тогда торжествуютъ надъ страстями своими, и облекаясь сугубою славою побѣды, дѣлаются превыше всѣхъ и настоящихъ и потомственныхъ похвалъ. Таковыхъ Героевъ производитъ Христіанство. Оно сплетаетъ имъ нетлѣнные вѣнцы, обезсмертивая не имя ихъ, но самыя души ихъ геройско-добродѣтельныя.

Представимъ на среду удивленія, хвалы и славы; представимъ того знаменитаго мужа, коему свѣтъ съ безпристрастною признательностію, яко неоприцаемое достояніе, посвящаетъ имя *Великаго*. Онъ Законодавецъ: законы его начертаны толико же мудрымъ, какъ и нѣжнымъ чувствованіемъ человѣчества во всѣхъ его способностяхъ и недостаткахъ, совершенствахъ и слабостяхъ, нуждахъ и избыткахъ; — законы его праведно человѣколюбивы. Онъ Судія: его суды истинные не по общей тожмо истинѣ законовъ, но по проницательному снисхожденію въ разбирательство самыхъ началъ, причинъ, побужденій человѣческихъ дѣяній, подвергающихся суду; — суды его и для добродѣтели и для порока непререкаемо удовлетворительны. Онъ Патріотъ: любовь его къ отечеству не ограничена ни предѣлами Государства, ни народными предразсудками; для просвѣщенія умовъ, сердецъ, нравовъ онъ съ горящимъ непогасаемыя ревности пламенникомъ вездѣ ищетъ людей, и нося въ сердцѣ своемъ общаго благоденствія незыблемость и совершенство, всего себя для него истощаетъ; — любовь его к отечеству преблаготворная. Онъ воинъ: его оружі изощрено не алчностію завоеваній, но твердостію неустрашимыя храбрости, въ страхъ и месть дерзновенныхъ ненавистниковъ благоденственнаго покоя; — оружіе его не дымится кровію, пролитою невинно. Онъ Вельможа, знаменитый и родомъ, и саномъ, и богатствомъ: его благородство — собственныя заслуги; его санъ — добродѣтели ума его и сердца; его богатство —

благодѣтельная ко всѣмъ сострадательность; — знаменитость его безсмертна. Онъ Государь: его Престолъ составленъ изъ сердецъ вѣры, вѣрности и любви; его величество милость и судъ, истинна и мудрость, кротость и великодушіе; царствованіе его есть царствованіе не страха, но совѣстей, есть царствованіе радостей каждаго о состояніи своемъ и къ присному о общемъ благоденствіи радованію незыблемыхъ надеждъ.

Къ таковой великости, и рѣдкой и преславной приложивъ истинны Евангельскія, не тѣмъ ли она величественнѣе представится, что и основаніе ея будетъ божественное, и возращеніе благодатное, и совершенство небесными благословеніями увѣнчанное? Ибо тогда истинная любовь ко Богу и напишетъ человѣколюбивые законы, и изречетъ безпристрастные суды, и возродитъ прямую ревность къ общему благу, и воодушевитъ священнымъ геройствомъ, и исполнитъ истинною любовію къ себѣ и ближнимъ, и сотворитъ владычество надъ подчиненными властію чадолюбиваго отца. Се есть Евангелія конецъ, дабы приближивъ человѣка къ Богу, прославить его въ Богѣ, прославить въ немъ Бога, славою тѣхъ добродѣтелей, для коихъ міръ сей не имѣетъ достойныхъ ни хвалъ, ни воздаяній. Пусть свѣтъ сей речетъ: се человѣкъ! Красота человѣческаго рода и напишетъ имя его въ незабвенные потомства роды. Но что сія молва, что сіе письмо предъ глаголомъ, кой изречетъ Богъ о вѣрномъ возлюбленномъ своемъ: сей есть сынъ мой, о немъ же благоволихъ, и напишетъ имя его въ книгѣ живота вѣчнаго?

Тебѣ, Благочестивѣйшій Государь ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ Первый, ТЕБѢ священное оное величество предопредѣлилъ Богъ. Съ ТОБОЮ оно и родилось; ТЫ онымъ повитъ былъ и въ пеленахъ; съ ТОБОЮ оно взошло и на Самодержавія Престолъ, сію благоденствія Всероссійскаго Господню гору, изъ коей свѣтъ высокоблаго-

дашныхъ ТВОИХЪ добродѣтелей проливается повсюду, не очи блескомъ поражая, но мирнымъ, кроткимъ, благотворнымъ сіяніемъ восхищая души, плѣняя сердца. Приняпіемъ Помазанія святаго ТЫ предъ церковію, народомъ, свѣтомъ, видимо засвидѣтельствовалъ Свою совершеннѣйшую преданность Богу: и Богъ сполъ же видимо излилъ и утвердилъ духъ своея благодати на ТЕБЕ. Ибо есть ли гласъ народа есть гласъ Божій, то всего народа ТВОЕГО единодушная любовь къ ТЕБѢ истинно, истинно есть и дѣйствіемъ и слѣдствіемъ Божія къ ТЕБѢ любви. Царствуй — царствуй вѣчно надъ нами, возлюбленный Помазанниче Божій, Августѣйшій нашъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ Первый! Въ ТЕБѢ нашъ миръ, нашъ покой, наше щастіе — честь и слава. Аминь.